

Н.В. Вилькицкая

Воспоминания
О ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

Н.В. Вилькицкая

**Воспоминания
о Великой русской
революции**

SOUVENIRS DE LA GRANDE REVOLUTION DE RUSSIE

Перевод с французского В.В. Рыбин

**Санкт-Петербург
2018**

УДК 82-94+94(47).08
ББК 68.49(2)23+63.3(2)
В46

В46 Вилькицкая Н.В.

Воспоминания о Великой русской революции [перевод с фр. В.В. Рыбин, лит. ред. И.В. Козырь]. — СПб.: Морское наследие, 2018. — 40 с.

Вниманию читателей представлен фрагмент воспоминаний жены известного русского исследователя Арктики, «Колумба XX века», флигель-адъютанта императора Николая II, контр-адмирала Б.А. Вилькицкого, сохраненные их потомками, эмигрировавшими в Германию. Воспоминания охватывают период с конца 1916-го до событий, предшествующих Октябрьской революции 1917 года. Большая часть из них посвящена трагическим мартовским событиям в Кронштадте, когда были убиты десятки офицеров флота и гарнизона крепости.

УДК 82-94+94(47).08
ББК 68.49(2)23+63.3(2)

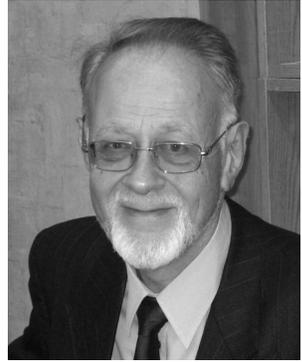
© Wilkitzki P, 2018
© Рыбин В.В., перевод, 2018
© Морское наследие, 2018

Все права защищены.

Ничто из этой книги ни в какой форме не может воспроизводиться, закладываться в память компьютера или передаваться по средствам связи без письменного разрешения владельца авторских прав.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Моей бабушке (Надежде Валерьяновне) и ее мужу — моему деду (Борису Андреевичу Вилькицкому) после революционных потрясений и хаоса Гражданской войны удалось вывезти из России и сохранить во время многочисленных переездов не так уж много вещей. Наследство, доставшееся мне после смерти бабушки (в 1932 году) и отца (в 1943 году), было невелико. Одной из самых ценных семейных реликвий, несомненно, являются бабушкины «Воспоминания о Великой русской революции» на безукоризненном французском языке (в оригинале «SOUVENIRS DE LA GRANDE REVOLUTION DE RUSSIE»).

В машинописной рукописи книги пятнадцать глав, охватывающих период с зимы 1916 года до бегства в Западную Европу в 1920 году. Состояние доставшейся мне рукописи оставляет желать лучшего: текст едва различим, многие страницы и даже отдельные главы отсутствуют. Но даже оставшаяся часть истории жизни Надежды Вилькицкой производит сильнейшее впечатление и заслуживает того, чтобы стать достоянием широкого круга читателей.

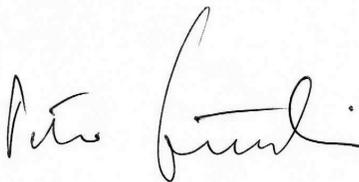
Вот почему мне хочется выразить глубокую признательность моей жене Аните и Ирине Тихомировой, внучатой племяннице Бориса Андреевича Вилькицкого, вдохновивших меня на публикацию воспоминаний, а также нашему близкому другу Вадиму Рыбину, осуществившему труднейшую задачу перевода первых пяти глав книги на русский язык.

Данный фрагмент текста посвящен нескольким месяцам, которые Надежда Валерьяновна провела вместе с двумя маленькими детьми — моим будущим отцом Андреем и его сестрой Татьяной — в Кронштадте, пока им не удалось в конце концов вернуться в Санкт-Петербург.

Хочется также поблагодарить редактора, подготовившего книгу к печати.

Дорогой читатель, погрузившись в чтение этих потрясающих воспоминаний, полных тоски, боли и страданий, вы сможете, как и я, понять смысл слов, принадлежащих бывшему федеральному канцлеру Германии Гельмуту Шмидту:

«Если хотите знать, кто вы, то должны знать дела и мысли ваших предков».

Петер Вилькицкий
Берлин, декабрь 2017 г.

ОТ РЕДАКТОРА

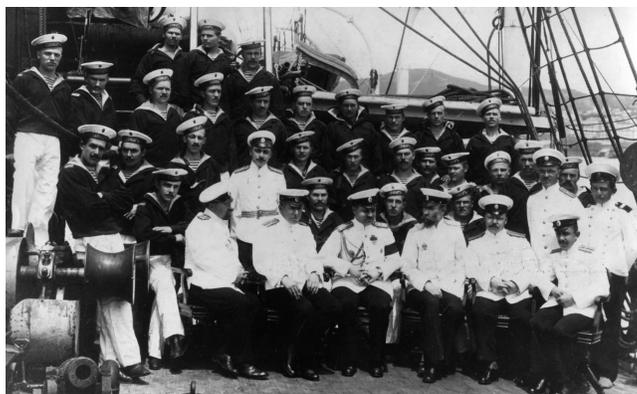
Вниманию читателей предлагается фрагмент воспоминаний Надежды Валерьяновны Вилькицкой, дочери участника хивинского похода 1873 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерал-лейтенанта Валерьяна Петровича Тихменева и его жены Варвары Николаевны (в девичестве Шидловской).

Об авторе известно немного. Надежда Валерьяновна родилась 24 сентября 1892 г. в Рыбинске. У нее было счастливое детство, и она получила хорошее домашнее образование: владела тремя языками, играла на фортепьяно, была отличной наездницей. После неудачного замужества (по первому браку она Святогор-Штепина) Надежда Валерьяновна вышла замуж за старшего лейтенанта Бориса Вилькицкого. Их венчание прошло в церкви Главного Адмиралтейства 27 января 1912 г., а уже через год ее муж отправился в экспедицию, положившую начало череде разлук и тяжелых испытаний, которые молодой женщине пришлось выдержать в одиночку, имея на руках двух малолетних детей. После скитаний в годы революции и Гражданской войны, о которых Надежда Валерьяновна рассказывает в своих воспоминаниях, она оказалась в Крыму и служила в штабе командующего Вооруженными силами Юга России. В 1920 г. с детьми эвакуировалась из Новороссийска в Европу. В качестве переводчицы принимала участие в мирных переговорах между Турцией и странами Антанты, проходивших в 1922–1923 гг. в Швейцарии и завершившихся подписанием так называемого Лозаннского мирного договора 1923 г.

Не имея длительное время известий от мужа, сочла его погибшим и вышла замуж за германского бизнесмена Отто Флейшмана. Тяжелые испытания, перенесенные в годы революции и Гражданской войны, подорвали ее здоровье. Надежда Валерьяновна скончалась 24 октября 1932 г. в Мюнхене в возрасте 42 лет.

Для лучшего понимания роли ее мужа в событиях, описанных на страницах воспоминаний, и отношения к ней самой других их участников, стоит привести необходимые биографические сведения о Б.А. Вилькицком.

Борис Андреевич Вилькицкий (1885–1961), русский гидрограф-геодезист, исследователь Арктики, родился в Пулково, в семье потомственного дворянина Минской губернии лейтенанта Андрея Ипполитовича Вилькицкого, впоследствии занимавшего пост начальника Главного гидрографического управления, и его супруги Веры Пантелеймоновны (урожденной Захаровой). В 1903 г. окончил Морской кадетский корпус и девятнадцатилетним мичманом участвовал в русско-японской войне. 18 ноября 1904 г. в бою за гору Высокую ранен пулей в грудь, а с падением Порт-Артура находился в японском плену. В 1908 г. окончил Николаевскую морскую академию и проходил службу на Балтике, зарекомендовав себя отличным штурманом. После смерти

Участники Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. На снимке Б.А. Вилькицкий 4-й справа в нижнем ряду. 1914 г.

отца 28-летний Борис Вилькицкий добился у морского министра И.К. Григоровича, под командованием которого начинал службу на эскадренном броненосце «Цесаревич», назначения на ледокольный пароход «Таймыр», горя желанием продолжить дело отца — известного исследователя Арктики. В результате в 1913–1915 гг.

он стал руководителем Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, цель которой состояла в освоении Северного морского пути. В 1913 г. экспедиция открыла острова Земля Императора Николая II, Цесаревича Алексея, Старокадомского и другие¹ и завершила этим эпоху Великих географических открытий. В ходе этой же навигации Вилькицкий был открыт пролив между морями Лаптевых и Карским, получивший его имя.

В марте 1914 г. Борис Андреевич был зачислен в свиту его величества флигель-адъютантом. Следующим этапом экспедиции стало осуществление первого сквозного плавания из Владивостока в Архангельск, в ходе которого был собран богатейший картографический и океанографический материал.

В ноябре 1915 г. Б.А. Вилькицкий был назначен командиром строящегося эсминца «Летун», с лета следующего года принимавшего участие в боях на Балтике. В октябре 1916-го эсминец под его командованием (уже в чине капитана 1-го ранга) совершил дерзкую вылазку, поставив ночью в тылу у немцев минное заграждение у мыса Стейнорт, за что был представлен к Золотому Георгиевскому оружию.

При Временном правительстве, а после Октябрьской революции при большевиках, Вилькицкий пытался продолжить гидрографические исследования. В июне 1918 г. в должности начальника гидрографической экспедиции Западно-Сибирского района для обеспечения вывоза хлебных грузов в европейскую часть России. Это не мешало ему принимать участие в подпольной работе в Петрограде и Архангельске, а с приходом к власти Временного правительства Северной области в апреле 1919 г. возглавить арктическую

¹ В 1926 г. ВЦИК постановлением № 186 переименовал острова, а архипелаг назвал Таймырским. Ныне именуется архипелаг Северная Земля. — *Прим. пер.*

**Ледокол «Козьма Минин»
в норвежском порту Тромсё.
Февраль 1920 г.**

ства генерала Е.К. Миллера и штаба адмирала Л.Л. Иванова из Архангельска в Норвегию на ледоколе «Козьма Минин». За ледоколом с беженцами пустился в погоню захваченный красными ледокол «Канада», догнал и пытался потопить, но был отогнан артиллерийским огнем «Минина».

Какое-то время Борис Андреевич находился в лагере для интернированных близ Тронхейма, но уже через несколько дней получил телеграмму из Архангельска с предложением вернуться для продолжения работ по исследованию арктических морей. Из Норвегии Б.А. Вилькицкий перебрался в Англию. В 1923–1924 гг. по поручению одной из британских торговых компаний и по приглашению советских внешнеторговых организаций возглавлял 3-ю и 4-ю советские товарообменные экспедиции в Карское море.

По завершению этого контракта переехал в Бельгию. В 1928–1931 гг. возглавлял гидрографическую бригаду в нижнем течении реки Конго. Эти годы сильно подорвали здоровье Вилькицкого, ему пришлось уйти из профессии и братья за любую работу, чтобы заработать на хлеб.

Борис Андреевич мечтал вернуться на родину. Не приняв иностранного гражданства, Вилькицкий с нансеновским паспортом² доживал свой век сначала в Русском приюте в Брюсселе, а затем при домово́й церкви священника-серба отца Чадомира. Умер Борис Андреевич 6 марта 1961 г. и был похоронен на Иксельском коммунальном кладбище Брюсселя. В 1996 г. прах контр-адмирала Бориса Андреевича Вилькицкого перевезен в Санкт-Петербург и с отда́нием воинских почестей торжественно перезахоронен рядом с могилой отца и брата на Смоленском кладбище.

И.В. Козырь

---

² Международный документ, разработанный в 1922 г. Фри́тьофом Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев, для удостоверения личности держателя, выдававшийся вначале русским, а затем и другим беженцам, не имевшим обычного паспорта. – *Прим. пер.*

Надежда Валерьяновна Вилькицкая. 1914 г.

I

Зима 1916 года ожидалась в Петербурге невеселой. Возмущение масс не могло больше оставаться незамеченным. В воздухе чувствовалась близость революции, хотя мы еще тешили себя надеждой, что она разразится только после войны.

Слова, произнесенные в ноябре с высоты думской трибуны³, стали к ней трагическим прологом.

Революция должна была произойти. Хотя некоторые радовались этому, наивно полагая, что революция принесет нам победу над врагом. Однако в военных кругах хорошо понимали, чем это грозит России, ведущей тяжелую войну. Понимали и со страхом следили за ходом событий, становившихся день ото дня тревожнее...

Убийство во дворце князя Юсупова⁴ должно было стать первым ударом, открыто нанесенным старому режиму...

В сентябре 1916-го я с детьми⁵ вернулась в Петербург⁶ из деревни. Мой муж⁷ командовал эскадренным миноносцем⁸ на Балтийском море, и каждый день мог принести дурные вести. Потеряв в 1914 году в начале войны в Галиции брата⁹, бывшего моим лучшим другом, я так и не смогла смириться с мыслью, что больше никогда его не увижу. Обескураживающая политика правительства и постоянные неудачи на фронте только усиливали горечь этой потери. К чему такие жертвы?..

Заботы о сыне, родившемся в июле в такое смутное время, — бедный ребенок! — к счастью, занимали все мое время. Многие теперь замыкались в семейном кругу, чтобы забыть о происходящем вокруг... Со временем подобные настроения только усилились...

---

³ Речь идет о знаменитой речи лидера партии кадетов П.Н. Милюкова, произнесенной 1 ноября 1916 г. перед депутатами 4-й Государственной Думы, в которой он обвинил императрицу Александру Федоровну и премьер-министра России Бориса Штюрмера в подготовке сепаратного мира с Германией. — *Прим. пер.*

⁴ Имеется в виду убийство «старца» Григория Распутина в ночь на 17 (30) декабря 1916 г. во дворце Юсуповых на Мойке. Заговорщики: Ф.Ф. Юсупов, В.М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович, офицер британской разведки Освальд Рейнер. Распутин считался «серым кардиналом» царской семьи, оказывающим влияние на важнейшие вопросы государственной политики, сторонником сепаратного мира с Германией. — *Прим. пер.*

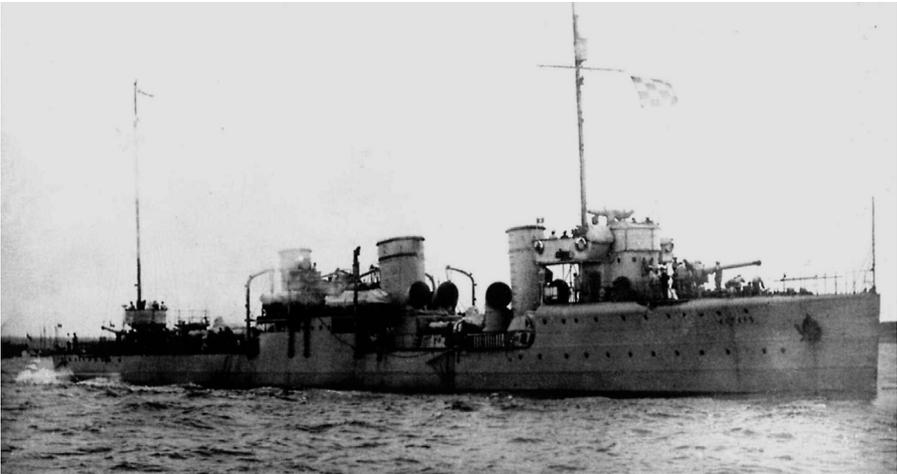
⁵ Татьяной (1913–1948) и Андреем (1916–1943). — *Прим. пер.*

⁶ Семья Вилькицкого Б.А. проживала в доме 38/33 на 8-й Рождественской улице (ныне 8-я Советская). — *Прим. пер.*

⁷ См. предисловие.

⁸ «Летун» — эскадренный миноносец типа «Орфей», относящийся к первой серии эскадренных миноносцев типа «Новик». — *Прим. пер.*

⁹ Тихменев Николай Валерьянович (1888–1914), поручик лейб-гвардии 4-го императорской фамилии стрелкового батальона, погиб 21 сентября 1914 г. в бою под Опатовым (Черногория). — *Прим. пер.*

Эскадренный миноносец «Летун». 1916–1917 гг.

В конце октября эсминец моего мужа подрывался на вражеской мине недалеко от Ревеля. К счастью, жертв было немного, но повреждения оказались значительными, и корабль отбуксировали для ремонта в Кронштадтский морской завод.

После многолетней разлуки, связанной с участием в полярной экспедиции, мой муж оказался рядом, в нескольких километрах от Петербурга, но мы не могли встретиться, поскольку сообщение с Кронштадтом практически прекратилось. Ремонт эсминца мог завершиться лишь к лету 1917-го. Муж предложил мне переехать к нему, но переживал, не заскучаю ли я в Кронштадте, слышавшем тогда настоящей дырой. Тем не менее я с энтузиазмом приняла предложение. Петербург выглядел отвратительно, в нем не осталось ничего от того, что придавало ему очарование в былое время. Аристократичный, утонченный город теперь было не узнать. Даже лица на улицах изменились. Встречались преимущественно иностранцы и нувориши с их показным шиком самого дурного вкуса. Постоянно разносились слухи, чаще всего нелепые, не выдерживающие никакой критики, но вызывающие панику в городе. Словом, утратив свой аристократизм, Петербург обрел новые космополитические черты, особенно неприятные в тревожное время большой войны. Да еще это нервное возбуждение и мучительный страх перед революционными веяниями. Как бы то ни было, я согласилась на переезд, назначенный на конец января.

В России есть поверье, согласно которому появление крыс там, где их раньше не было, — дурной знак, предвестник несчастья. Мы жили на пятом этаже большого недавно построенного здания, и я никогда ничего не

слышала о крысах. В начале 1917 года наша квартира внезапно подверглась их нашествию. Вокруг нас сносили деревянные дома, но от этого на душе не стало легче, и я поспешила покинуть город, принесший мне столько страданий в последние годы.

Мы уехали ярким солнечным февральским утром. Добравшись до Ораниенбаума, пересели в сани, чтобы пересечь залив. Снег на солнце ослепительно сверкал, и мне казалось, что все преследовавшие меня печальные мысли и дурные предчувствия остались в грязном Петербурге. Переступив порог нашего нового жилища, я вскрикнула от радости. Как была прекрасна эта квартира — солнечная, с большими комнатами и высокими потолками, благодаря заботам мужа и его радушных моряков обустроенная к нашему приезду. В просторной столовой уютно потрескивал огонь в камине, и было так приятно согреться после ледовой переправы... Я повернулась к мужу, и он без слов понял по выражению моих глаз, в каком я восторге. Никогда раньше мне так не нравилось наше жилище, как сейчас. Оно было настолько красивым, что трудно было поверить в возможность задержаться здесь надолго. Муж ответил, что при желании мы можем остаться здесь до окончания войны, а может быть и дольше. Но я качала головой: «Нет, увиденное слишком прекрасно, чтобы поверить в то, что это надолго!» Мое предчувствие меня не обмануло...

В течение февраля я занималась обустройством нашего дома и радовалась, что не встречаю больше издерганных, склонных к панике людей. Я была счастлива уединиться в кругу семьи. Вопрос поиска продуктов в Кронштадте решался гораздо проще. Здесь не было очередей, в которых люди проводили целые дни. Все необходимое можно было получить в довольно хорошо организованных кооперативах. Это заметно облегчало жизнь домашней прислуги, пользующейся дополнительным временем для отдыха. Нашу столовую, служившую нам также гостиной, мы украсили шкурами бурых медведей. По вечерам в камине разводился большой огонь, а я садилась за пианино. Кабинет мужа был увешан трофеями, привезенными из его полярных экспедиций — шкурами белых медведей. Их было у него три. Самая большая — длиной шесть аршин и почти такой же ширины принадлежала огромному зверю. Эта шкура закрывала всю стену и немного загибалась у потолка, при этом голова зверя покоилась на подлокотнике большого кожаного кресла. Залитый солнечным светом угол нашей спальни служил мне будуаром. Великолепная шкура белого медведя покрывала кушетку, стены комнаты были увешаны фотографиями. Возле окна стояла моя швейная машинка. Проводив мужа на службу, я садилась за работу, поглядывая в окно, под которым напротив нашего дома прогуливалась по бульвару няня с детьми. Вид ослепительно чистого снега, покрывшего землю и окутавшего деревья, белой коляски моего сына, светлой меховой кухлянки¹⁰ моей маленькой дочки, а также

---

¹⁰ Род шубы с капюшоном, изготовленной из шкуры северного оленя, которые носят чукчи на крайнем севере Сибири. Мой муж привез из Анадыря одну для нашей малышки.

белоснежного передника и колпака няни вызывал ощущение безмятежного покоя... Война настолько исковеркала нашу жизнь, что мы научились ценить то, что раньше выглядело совершенно естественным.

Отголоски событий в Петербурге доходили до нас приглушенными. Мы видели только флотских офицеров, в основном младших сослуживцев мужа. Время от времени к нам из столицы приезжали друзья и родные. Муж часто ездил к императору в Царское Село, поскольку у него в это время не хватало адъютантов — большинство из них находилось на фронте. Но вскоре царь уехал в Ставку Верховного главнокомандующего. Я же никуда не могла отлучиться: моему сыну было всего шесть месяцев, и мне нужно было заботиться о его питании.

Какой мирной выглядела наша жизнь! Иногда становилось стыдно, когда я думала о других людях, подвергавшихся жестокостям войны...

Но это было лишь временное затишье. 28 февраля в Петербурге произошла революция, хотя мы мало что знали о происходящем в столице. Телефон больше не работал, мы знали, что в столице забастовки и манифестации, но все еще надеялись, что это лишь временные беспорядки, вызванные ужесточением порядка обеспечения населения продовольствием, а именно — введением карточек на хлеб. Мы жили настолько изолированно от мира!

Только что состоялся визит Морского министра¹¹, приехавшего с инспекцией гарнизона Кронштадта в связи с предстоящим переходом крепости из подчинения армейского командования флоту. Вечер он провел у нас, говорил о выявленных недостатках, но они выглядели несущественными. На следующий день мы собирались идти в театр, но мужа неожиданно вызвали в Петербург.

28 февраля муж пришел домой в три часа и сказал, что его, так же как всех начальников и старших офицеров, вызвали на совещание к адмиралу Вирену¹², главному командиру порта, для обсуждения срочных вопросов. После этого собрания он бегом вернулся домой, чтобы предупредить меня: обстановка в Петербурге критическая, сформировано Временное правительство, революция набрала полную силу, переворот в Кронштадте может произойти в ближайшее время. Также он сообщил, что главным командиром отменены увольнения солдат и матросов, все должны оставаться в расположении своих частей, а он, в свою очередь, торопится отдать необходимые распоряжения на эсминце и намерен запретить офицерам сход на берег. Сам он останется на корабле, чтобы показать пример экипажу. Я не должна его ждать и волноваться, если он не придет. Мы разговаривали в прихожей, у него не было

---

¹¹ Иван Константинович Григорович (1853–1930). Генерал-адъютант, адмирал, участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Последний морской министр Российской империи. – *Прим. пер.*

¹² Роберт Николаевич Вирен (1856–1917). Адмирал, участник русско-японской войны 1904–1905 гг., награжденный за участие в боях у Порт-Артура золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-й степени. Член Адмиралтейского Совета (1908), с 1909 г. главный командир Кронштадтского военного порта и военный губернатор Кронштадта. – *Прим. пер.*

времени задержаться дома. Я все же настояла, чтобы он зашел и обнял детей, собиравшихся ложиться спать, а потом проводила его на лестницу. Мне стало окончательно ясно, что произошли события, которые мы ждали многие месяцы, но не думали, что они произойдут так скоро. Конечно, я не могла знать все наверняка, но меня одолевали самые тяжелые предчувствия, казалось, я вижу мужа в последний раз в прежнем разрушающемся на глазах мире. Действительно, больше я никогда его не видела в мундире с императорским вензелем на погонах...

С сердцем, полным тревоги и дурных предчувствий, я вернулась к малышам. Когда они заснули, я устроилась перед камином, пыталась читать, но не смогла справиться со своими нервами. Чувствовалось, что предстоит бессонная ночь...

Вскоре после полуночи на улицах, обычно таких тихих, словно вымерших, поднялся шум. Я отвела занавеску и увидела в тусклом свете фонарей толпы солдат и матросов. Боже мой, откуда они? Никогда бы не подумала, что их так много в Кронштадте. Так я и провела всю ночь у окна, прислушиваясь к раздававшимся время от времени выстрелам. Когда же фонари погасли и наступило ослепительно солнечное весеннее утро, то увидела повсюду красные флаги, которые отныне будут постоянно развиваться перед нашими глазами... Повсюду толпы мужчин в армейских шинелях защитного цвета и в черных флотских бушлатах... Сердце сжалось от боли, меня угнетала мысль о том, что произошло неизбежное, к прошлому возврата больше нет... Какой оборот примут дальнейшие события?

II

1 марта 1917 года в 7 часов утра в квартиру прибежала, запыхавшись, горничная и сообщила, что матросы убивают офицеров и она сама видела растерзанное тело адмирала Вирена, лежащее на снегу на Якорной площади в нескольких шагах от нашего дома. Я стойко приняла эту новость, поскольку чувствовала: нужно быть настороже, это только начало революции, которую наивные люди называли «великой, прекрасной, радостной, бескровной».

Я стала, как обычно, готовить обед детям. Пришел один из матросов с эсминца моего мужа и вызвал меня на кухню. Он принес мне записку от мужа, в которой сообщалось, что он находится в полной безопасности под ревностной охраной своего экипажа, несущего службу с удвоенной преданностью и усердием. «Будь мужественной, — писал муж, — не беспокойся обо мне. Скоро буду с вами». Я с трепетом расспросила матроса о ночных событиях. Вот что он мне рассказал:

«Около часа ночи матросы эсминца, оказавшиеся под арестом за различные проступки, вернулись на корабль и сообщили, что восставшие открыли ворота кронштадтских тюрем. Через два часа поднялся сильный шум, а затем к матросам вышел командир (мой муж). Он объяснил, что произошла революция, восставшие требуют, чтобы экипаж эсминца отправился на Якорную площадь на митинг, на котором будут выступать представители нового правительства. Они также потребовали передать им все оружие, имеющееся на борту, но командир им в этом отказал. Мы заявили Вашему мужу, что не желаем идти на Якорную площадь, и выставили на смех этих делегатов. Тогда он объяснил, что обстановка крайне сложная, эти люди угрожают захватить наш сильно поврежденный корабль, и это может привести к необратимым последствиям. Он считал, что нам следует пойти на митинг, но советовал возвращаться после этого на корабль по одному. Он добавил, что выдаст нам винтовки, имеющиеся на борту, но посоветовал не пускать их в ход. Пока он разговаривал с нами, в толпе снова поднялся шум. Ваш муж был вынужден обратиться к собравшимся, чтобы их утихомирить, а мы тем временем смогли одеться. Таким образом, ночь мы провели на Якорной площади, слушая замечательные речи, и вернулись на корабль утром. Большинство офицеров оказалось под арестом, многие убиты, но пусть только попробуют тронуть наших! Ораторы объяснили, что власть теперь принадлежит нам, и Вы, сударыня, можете быть спокойны, мы не допустим, чтобы с нашим командиром случилось что-то плохое!»

Я жадно слушала матроса, но, увы, не могла ему поверить. Я знала, что эсминец мужа — единственный боевой корабль Балтийского флота, оказавшийся в Кронштадте, а Кронштадт — тыловая дыра, со всеми вытекающими

Митинг на Якорной площади Кронштадта.

Март 1917 г.

его хранил — на корабле или часть его осталась дома?

Матрос убежал, по-детски наивно радуясь осознанию собственной значимости, но пообещал мне часто наведываться в течение дня с новостями. Я также спросила его, много ли офицеров убито? Он ответил, что точно не знает, но убитые получили по заслугам, поскольку все они были платными германскими шпионами. Услышав из его уст эту басню впервые, я вздрогнула, понимая, к каким последствиям она приведет. Бедные темные головы, их можно было заставить поверить любой самой нелепой глупости, могли ли они разобрататься в наступившем хаосе?

Стоило вернуться в столовую, как я услышала, что кто-то ломится во входную дверь. Горничная и кухарка сразу же спрятались. Открывать пришлось мне, и наш дом тотчас заполнила толпа. Их было человек сорок, вооруженных до зубов солдат и матросов. По словам одного из них, они пришли искать оружие, и тотчас разбрелись по всем комнатам. Я велела горничной привести детей, поскольку моя трехлетняя дочь заплакала от страха. Они же наслаждались возможностью вытереть о ковры свои грязные сапоги, трогали вещи, смеялись и отпускали сальные шутки. Как это часто бывает, страх сменился яростью, и на вопрос матроса с наглыми глазами: «Ну, где же оружие Вашего мужа?» — спокойно ответила: «Ищите, я ничего не знаю». «Мы не ищейки», — произнес он с презрением. На это я ответила, что не знаю, кто они такие, и что у меня нет привычки копаться в вещах мужа. Сама удивленная своей смелостью, я не отдавала отчета, насколько неосторожно сейчас проявление моего гнева, но результат оказался противоположным тому, чего я опасалась: оставаясь в душе рабами, они тотчас же невольно уступили моему натиску. Революция только начиналась. Тот, что первым со мною заговорил, обратился к своим товарищам со словами, что, мол, нечего терять

из этого последствиями... Экипаж эсминца, пока еще преданный командиру, скоро будет увлечен общим ходом событий: стоит льду тронуться, как начнется ледоход. Пока мы беседовали, на лестнице послышался шум.

Матрос сказал: «Начинаются обыски, есть ли у вас оружие? Если да, то отдайте мне немедленно». Я ничего об этом не знала. У моего мужа, конечно же, имелось оружие, но где он

здесь время, и они ушли. Мой портсигар слоновой кости, ранее принадлежавший писателю Гончарову, оставленный на столе, дорогая мне реликвия работы старого японского мастера, оказался единственной вещью, которую они в тот раз украли.

О, этот первый день революции, как он был долгов! Постоянно приходили новости одна ужаснее другой. Адмирала С.¹³ таскали по улице за его седую бороду, пока ее не вырвали, и после этого расстреляли. Капитана 1-го ранга П., семья которого жила под нами, матросы бросили в прорубь возле броненосца «Петропавловск», которым он командовал¹⁴. Другого, совсем молоденького офицера, пытали, вырывая у него ногти и отрезая уши, прежде чем убить. Лейтенанта Б. убили на глазах трех его детей. Умирая, он упал на свою 6-летнюю дочь, заливая ее кровью. А ведь этот офицер был избран собранием матросов флагманским минером. Делегат, пришедший сообщить его жене о смерти мужа, стараясь утешить вдову — верх иронии! — сказал, что он, конечно же, был убит по ошибке, раз ему оказали столь высокое доверие. Стоит ли перечислять все преступления, совершенные в этот день во имя «свободы, равенства и братства»¹⁵?

Я же провела весь день, впуская и выпуская солдат и матросов, приходивших с обысками. Чем дальше, тем вышекомернее они становились. Количество пьяных людей на улицах становилось угрожающим.

Матросы с эсминца мужа по-прежнему навевались к нам, поднимаясь по черной лестнице. Они приносили мне записки от мужа, хлеб и молоко детям, но я замечала с тяжестью на сердце, как они все сильнее поддавались увлекшему их вихрю событий. Было страшно и смешно видеть, как они старались вести себя развязно в моем присутствии. Они без приглашения садились, закуривали, грубо выражались... Было видно, что им неудобно так себя вести со мной, они все меня знали и всегда пользовались нашим гостеприимством и нашей кухней. Но теперь их пугала мысль, что о них могут подумать как о плохих революционерах.

Их решимость стойко защищать своих офицеров постепенно слабела. В пять часов вечера тот же матрос, уверявший меня, что они не позволяют

---

¹³ Имеется в виду командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский. — *Прим. пер.*

¹⁴ Автор неточен. Скорее всего, речь идет о командире учебного корабля «Император Александр II» капитане 1-го ранга Н.И. Поваляшине, убитом на льду, когда он пытался скрыться от преследователей. Линкором «Петропавловск» командовал капитан 1-го ранга М.А. Беренс (1879–1943). — *Прим. пер.*

¹⁵ По данным историка С.В. Волкова, 3–4 марта 1917 г. на Балтийском флоте были убиты: начальник штаба Кронштадтского порта адмирал А.Г. Бутаков, командир 2-й бригады линкоров адмирал А.К. Небольсин, командующий Балтийским флотом адмирал А.И. Непенин, комендант Свеаборгской крепости В.Н. Протопопов, командиры 1-го и 2-го флотских экипажей Н.В. Стронский и А.К. Гирс, командир линейного корабля «Император Александр II» Н.И. Поваляшин, командир крейсера «Аврора» М.И. Никольский, командиры кораблей «Африка», «Верный», «Океан», «Рында», «Меткий», «Усуриец» и другие морские и сухопутные офицеры. К 15 марта Балтийский флот потерял 120 офицеров, из которых 76 убито (в Гельсингфорсе — 45, в Кронштадте — 24, в Ревеле — 5 и в Петрограде — 2). В Кронштадте, кроме того, было убито не менее 12 офицеров сухопутного гарнизона. — *Прим. пер.*

*Похороны убитого офицера флота.
Кронштадт, март 1917 г.*

тронуть своих офицеров, принес записку от мужа со словами, что готовится арест офицеров с последующим содержанием в тюрьме. Матрос говорил, пряча глаза, что все офицеры потенциально опасны и экипаж эсминца не может пойти против кронштадтского гарнизона, который, похоже, предъявил им ультиматум, требуя арестовать офицеров. Для начала их разоружили...

В восемь вечера я уложила детей. Пока кормила грудью сына к нам дважды приходили с обыском. Кусок не лез в горло, когда я совершенно расстроенная присела поесть. Внезапно неприятное прикосновение заставило меня вздрогнуть. Я обернулась и вскрикнула от ужаса. Рядом со мной сидела огромная крыса, уставившись прямо на меня. Я схватила кочергу, чтобы ее ударить, и она с визгом ускользнула. Не передать словами, какое впечатление произвело на меня появление этой мерзкой твари. Я все еще дрожала всем телом от страха, когда снова раздался неожиданный звонок. Но звучал он без «революционного пафоса»... Быть может, это матрос с эсминца, пришедший с печальными вестями? С бьющимся сердцем я пошла открывать дверь.

На пороге стояла потрясенная до крайности женщина — моя знакомая, жена офицера, пришедшая сообщить, что ее мужа увели. Она слышала о зверских расправах с офицерами и была уверена, что больше никогда его не увидит. От страха у нее тряслись руки, ее душили одновременно смех и слезы. Я, как могла, успокоила ее, и когда она пришла в себя, поняла, что она пришла ко мне за советом. Женщина собиралась завтра перебраться через залив и обратиться к депутатам Государственной думы с мольбой остановить разгул анархии в Кронштадте. Я поддержала ее намерение, сожалея, что не смогу с ней поехать: сын удерживал меня дома. После чего уговорила несчастную женщину вернуться домой, поскольку появляться на улицах в ночное время было уже запрещено, и она рисковала сама оказаться под арестом, в то время как дома оставалась ее 12-летняя дочь. Проводив женщину до лестницы, я приготовилась к новым ночным сюрпризам. Из слов этой дамы я поняла, всю ночь будут идти облавы: матросы хотят арестовать всех офицеров, прячущихся дома. Я погасила свет и уселась у окна, наблюдая за происходящим перед домом. Здесь был мой пост, на котором нужно было находиться, чтобы не оказаться захваченной врасплох чьим-нибудь нежданным визитом. Стояла хорошая

погода, уличные фонари освещали пустынный бульвар, где время от времени появлялись и исчезали черные силуэты матросов с винтовками за спиной. Каждый раз у меня останавливалось дыхание: пройдут ли они мимо или остановятся у нашей входной двери?

В половине первого я увидела, как рядом с домом остановилась группа матросов. Я отскочила от окна и опустила портьеры. Раздался громкий стук в дверь на лестнице, а вско-

Революционные матросы. 1917 г.

ре кто-то стал обрывать звонок у двери в квартиру. Все пришедшие были пьяны, сыпали сальностями, грубили и сквернословили и направились прямо в детскую, где разбудили мою дочь. Она заплакала, и тогда один из них уселся на ее кроватке и принялся утешать, что, дескать, не нужно их бояться, они вовсе не разбойники. Видеть грязного пьяного человека, сидящего на чистой белой постели ребенка, было выше моих сил. Я попросила их выйти вон из детской, где им нечего делать. Между нами завязалась довольно горячая перепалка, и я не знаю, чем она могла бы закончиться, если бы его не позвали товарищи, сообщившие, что нашли оружие в кабинете моего мужа. Это были сабли и кинжалы из его коллекции. После бурного обсуждения, надо ли забрать это старье или оставить, они решили его все-таки оставить и отправились в квартиру над нами, откуда вначале раздалось крики, а затем выстрел. На следующий день я узнала, что матросы пристрелили набросившегося на них с лаем сенбернара, а потом издевались над хозяйкой, высмеивая ее старость и отсутствие красоты, как будто им было до этого дело...

Услышав, что они вышли на улицу, я вернулась на свой наблюдательный пост, но в это время послышался страшный стук в дверь на кухне — кто-то поднялся по черной лестнице со стороны двора. Я решила сама открыть дверь нетерпеливым гостям и принялась искать выключатель, чтобы зажечь свет. Готовясь стойко выдержать очередной удар судьбы, я, наконец, открыла дверь, и какова же была моя радость, когда я увидела мужа в сопровождении трех преданных ему матросов. Он был одет в кожаную куртку без погон, и был больше похож на каторжника — картину дополняли три конвоира, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, но это был именно он, из плоти и крови!

III

Первым моим побуждением стала попытка накормить пришедших, что по нынешним временам было непросто. Главной приметой революции явилось исчезновение продуктов питания. Тем не менее в недрах платяного шкафа отыскивались консервы, и я поспешила подать их на стол. Затем удалось устроить импровизированную спальню в кабинете, где три матроса улеглись на медвежьих шкурах. Мы остались вдвоем с мужем. Он даже не собирался ложиться, и, конечно, ни он, ни я не смогли бы уснуть. Бог знает, что еще могла принести эта ночь.

Мы укрылись в спальне, находившейся в средней части квартиры, чтобы было слышно все, что происходит на лестнице и на улице, и в случае тревоги можно было быстро подготовиться к бегству.

Прислушиваясь к каждому звуку, я попросила мужа рассказать мне обо всем, что ему пришлось пережить за время нашей разлуки.

Вот что мне удалось узнать из его рассказа, услышанного в тревожной ночной тишине.

После возвращения на борт эсминца, когда были отданы соответствующие приказы о запрете схода на берег членов экипажа, включая офицеров, он остался в каюте со своим старпомом. Возвращение арестованных матросов из тюрьмы наглядно свидетельствовало, что революционные события идут своим чередом и грядущая ночь сулит новые неприятности. Освобожденные доложили о прибытии вахтенному офицеру, который приказал им присоединиться к товарищам.

Около трех часов ночи послышались выстрелы, угрожающие крики и шум толпы, направляющейся к эсминцу. Муж поднялся на мостик. Раздалось несколько винтовочных выстрелов, одна из пуль пробила шинель у него под мышкой. Возвышаясь над толпой, он прокричал, что если они хотят, чтобы их выслушали, то должны вести себя спокойно, иначе им ответят корабельные орудия. Наступила тишина, и муж смог говорить. Он спросил, чего от него хотят, но попросил, чтобы переговоры с ним вел один человек, иначе будет не понятно, о чем идет речь. После непродолжительного замешательства один из матросов вышел вперед и заявил, что правительство направило своих делегатов из Петербурга в Кронштадт и сейчас они находятся на Якорной площади, где готовятся к выступлению. Только что созданный Комитет народного движения¹⁶ приказал собрать на митинг всех матросов,

---

¹⁶ Временный Кронштадтский комитет народного движения, выбранный 1 марта 1917 г. на многотысячном митинге на Якорной площади. 5 марта в Кронштадте образовался Совет рабочих депутатов, его возглавил беспартийный студент Технологического института А.Н. Ламанов. 6 марта был создан Совет военных депутатов армии и флота, председателем его стал офицер гарнизона эсер И.А. Красовский.

солдат и рабочих Кронштадта, вот они и пришли за командой эсминца. В завершении своего довольно путанного выступления матрос пригрозил, что, если экипаж не подчинится немедленно их требованиям, они сами поднимутся на борт и разнесут эсминец на куски. Муж ответил, что передаст это обращение экипажу, и предложил подождать. После чего спустился к команде и с большим трудом убедил матросов ради спасения корабля отправиться на площадь. Толпа на стенке проявляла растущее нетерпение, и мужу пришлось трижды выходить к ней для успокоения.

Утром матросы по одному вернулись на корабль, делясь с офицерами новостями, по-прежнему сохраняя неприязненное отношение к революционному движению. Но оказалось достаточно одного дня, чтобы дисциплина пошатнулась и упала. Уже к 7 часам вечера появилась делегация, представители которой со сконфуженным видом заявили, что должны отвести офицеров в тюрьму. По дороге, когда они шли по улицам, патрулируемым их товарищами, один из членов Комитета движения сообщил им, что в его состав должен быть выбран от каждой воинской части один офицер. Выборы провели прямо на улице. Таким избранником оказался мой муж, его отделили от группы остальных офицеров и выделили в качестве конвоиров трех добровольцев, поскольку офицер в одиночку уже не мог передвигаться по улицам Кронштадта. Они прибыли в здание бывшего Морского собрания, где находился Комитет движения, члены которого были очень удивлены их появлением. Новость, естественно, оказалась ложной. Комитет не давал никаких распоряжений об участии офицеров в его работе. После многочасового ожидания в здании Комитета, наблюдая за суетливой деятельностью представителей новой власти и опасаясь, не отдаст ли кто-нибудь из них приказ препроводить его в тюрьму, муж решил вернуться домой. Вот так, благодаря случаю, ему это удалось.

Ночь прошла без происшествий, не считая ложных тревог, виновниками которых были крысы, захватившие наш дом.

Не могу понять, почему эти твари появились именно с началом революции. В Кронштадте много крыс, но в первый месяц после переезда мы не видели ни одной. Надо полагать, что их здесь и не было, поскольку квартира долго пустовала, а теперь они вернулись в родные пенаты. Во всяком случае, я не могла отделаться от страха перед этими мерзкими существами.

Потянулись долгие дни полные тревоги. Поначалу экипаж эсминца выделял матросов, находившихся рядом с мужем. Поскольку они были преданными людьми, мы пользовались всеми преимуществами такой охраны, не

Главенствующее положение в городе занимал Совет военных депутатов, рабочим депутатам отводилась второстепенная роль при решении чисто профессиональных вопросов. Позже два Совета решили объединить в Исполком совета военных и рабочих депутатов, а 10 марта был создан Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов. Комитет движения был распущен, организационный период формирования органов власти закончился. — *Прим. пер.*

испытывая при этом неудобств. Но вскоре, как и везде, на эсминце взяли верх темные силы. наших друзей-матросов обвинили в симпатиях к контрреволюции. Чтобы доказать свою преданность революции, они отвернулись от своего командира и покинули нас.

Оставалась последняя надежда, что они забудут о муже к тому времени, когда можно будет уехать в Петербург. В ожидании этого дня мы установили постоянное наблюдение за обоими входами. В коридоре было окно, выходящее на черную лестницу, а из кабинета мужа был виден бульвар перед нашим домом. Если что-то подозрительное происходило с одной стороны, муж готовился улизнуть через другой вход, а я должна была встретить посетителей и задержать их по возможности долго. Трудно выразить словами не покидавшее нас чувство тревоги, особенно по ночам. Тюремный двор находился недалеко от нас, и мы каждую ночь слышали выстрелы, поскольку расправы происходили обычно от полуночи до двух ночи. Запертые в своей квартире, мы рассчитывали на успех побега в случае серьезной опасности, хотя наши приготовления к нему были весьма бесхитростными. Тем не менее довольно много дней прошло спокойно. Казалось, никто не вспоминал о муже.

Мы практически не общались с внешним миром. Лишь один пехотный прапорщик, избранный на солдатском митинге командиром части, с которым мы познакомились накануне революции, приносил нам едва ли не каждый вечер новости. Поскольку его батальон располагался за городом, а в городе был установлен комендантский час, он часто оставался у нас до утра.

Долгими тревожными вечерами мы как могли старались справиться с охватившим нас унынием. Плотно задвинув шторы, чтобы не привлекать к себе внимания посторонних, мы собирались втроем за столом, на который подавалась самая простая еда. Мы с мужем жадно слушали новости, принесенные юным прапорщиком К. Увы, они были малоутешительными. При малейшей тревоге тушился свет и мы разбегались по своим постам. А тревоги были частыми... в основном из-за крыс, которым мы устроили настоящую безжалостную, в меру наших сил, войну, стараясь при этом не шуметь.

Однажды вечером нас посетил незнакомый офицер. В день революции он оказался случайно в Кронштадте, а теперь ему удалось получить разрешение вернуться в свою часть. Он уезжал на следующий день и пришел спросить, нет ли у нас нужды в деньгах, и, поскольку так оно и было (получить деньги из Петербурга стало невозможно), одолжил пятьсот рублей, которые мы смогли вернуть ему лишь месяц спустя в Петербурге. Но в первую очередь офицер хотел получить совет моего мужа, о котором уже был наслышан, как привлечь внимание правительства в Петербурге к критической ситуации в Кронштадте. Многие жены офицеров пересекли замерзший залив пешком, чтобы пожаловаться властям на бедственное положение населения проклятой крепости, находящейся в нескольких километрах от

столицы. Увы, никто не представлял опасности, исходившей от «вольного острова Котлин» и «Кронштадтской республики». Это поняли позже, когда стало уже слишком поздно. В ответ на жалобы, тупые вожди «Великой радостной революции» отвечали, что случаи жестокости и насилия, имевшие место в Кронштадте, являются ответом на происки контрреволюции и зачастую — плодами болезненного воображения нескольких офицеров... С этим нечего было поделаться. Поговорка, гласящая, что если Господь хочет кого-то покарать, то лишает его разума, подтвердилась в очередной раз.

В Петербурге командование флота решило назначить нового коменданта Кронштадта. Упоминалась кандидатура моего мужа. Им в Петербурге, в полной безопасности, легко было издавать приказы и законы! Но для мужа это было настоящим несчастьем...

До этого времени о нем забыли, и это было бы самым лучшим в сложившейся ситуации. Как только встал вопрос о назначении мужа, «Кронштадтская республика», объявившая Временное правительство буржуазным и контрреволюционным и не собиравшаяся его признавать, тут же обратила на него внимание. Имя моего мужа прозвучало на многих митингах. Тут же в его адрес начались враждебные выпады. Наряду с другими обвинениями, ему припомнили участие в карательной экспедиции, отправленной в Эстляндию после революции 1905 года¹⁷. Обвинение казалось правдоподобным: все знали, что он прославился в экспедиции, но в какой именно — в полярной или усмирительной мало кого интересовало.

Мы с беспокойством ждали последствий. Однажды, в 9 часов утра, в прихожей раздался звонок. Муж приготовился к побегу, а я пошла открывать. За дверью обнаружился суший черт. По внешнему виду трудно было догадаться, к какому сословию он принадлежит. Мужчина был одет в форму морского офицера, но с матросскими погонами. На фуражке — красный бант. Его можно было принять за провинциального телеграфиста, и он производил самое отрицательное впечатление. Пришедший представился старшим лейтенантом Г. и спросил мужа. Я не знала, что ему ответить, но муж вывел меня из замешательства, пригласив гостя в кабинет. Они долго что-то обсуждали, а я в это время не находила себе места. Меня не покидало глубокое убеждение, что это посещение не принесет нам ничего хорошего.

Когда гость ушел, муж сообщил, что ему предложено занять должность начальника штаба кронштадтского гарнизона. Сам лейтенант Г. был, по его

---

¹⁷ В связи с революционным движением в Прибалтике и недостатком войска для защиты имений от погромов в конце ноября 1905 г. было принято решение о формировании батальонов из состава флотских экипажей. В общей сложности в Прибалтику было направлено пять батальонов общей численностью около 1 700 человек. Отзывы о деятельности батальонов были противоречивыми. Император Николай II писал, что они «...действуют отлично; много банд уничтожено, дома и их имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором...». Гражданские власти не скупились на похвалы морякам, часть местных жителей писали благодарственные письма морскому министру, в то же время документы свидетельствуют о многочисленных случаях жестокости и произвола. — *Прим. пер.*

словам, избран комендантом¹⁸, но, не испытывая уверенности в своих силах справиться с такими сложными обязанностями, потребовал назначить ему в помощь опытного начальника штаба, способного решать технические вопросы управления, и выдвинул кандидатуру моего мужа. Митинг состоялся накануне. Сначала собравшиеся решительно возражали, утверждая, что флигель-адъютант бывшего императора не может рассчитывать на доверие масс. Но красноречие нового коменданта убедило всех, что он может привлечь к делу хоть жандарма, поскольку ему нужен технический исполнитель, не имеющий влияния на революционное руководство Кронштадта, а сам он займется политическими вопросами.

С этого дня повсюду стала упоминаться фамилия мужа, и против него тотчас началась яростная кампания. Один из матросов эсминца предупредил мужа, что ему не следует показываться на улицах Кронштадта, так как его решили убить.

Однажды вечером после одиннадцати, когда мы с мужем в компании с юным прапорщиком сели перекусить, раздался звонок во входную дверь. Тотчас оба офицера приготовились к бегству, а я пошла открыть дверь. К мужу просился какой-то матрос. По его словам, у него было срочное сообщение. Я ответила, что мужа нет дома, и я не знаю, где он и когда будет. Мужчина заметил, что это очень печально, поскольку он хотел бы предупредить мужа о серьезной опасности. Неуверенно, опасаясь возможной западни, я решила сменить тактику и сказала, что если он пришел как друг, то пусть пройдет в кабинет. Туда же вошел муж, и они беседовали минут десять. Проводив гостя в прихожую, муж вернулся к нам, и по его озабоченному лицу я сразу поняла, что новость оказалась плохой. После недолгого молчания, во время которого я не осмеливалась ничего спросить, хотя вопрос вертелся у меня на языке, он заговорил и поведал нам, что это был матрос из состава его последней полярной экспедиции, в настоящее время член Исполнительного комитета Кронштадта. Матрос предупредил своего бывшего начальника о том, что радикальные элементы взяли верх в Кронштадте и потребовали у Комитета движения ареста капитана 1-го ранга В. (моего мужа). Требование было отклонено, Комитет не нашел серьезных причин для ареста. Но не нужно было быть пророком, чтобы предвидеть низложение теперешнего Комитета в скором будущем. Кронштадт стремительно скатывался в сторону левого экстремизма и полной анархии. Скоро должны были состояться новые выборы. Бывший спутник мужа помимо этого слышал на одном из сегодняшних митингов о готовящемся аресте и расправе над капитаном 1-го ранга В. Воспользовавшись тем, что он находился на дежурстве, матрос поспешил

---

¹⁸ Возможно, автор неточен: 15 марта на заседании Совета военных депутатов комендантом Кронштадтской крепости избрали генерала Н.В. Герасимова, а начальником Морских Сил — старшего лейтенанта П.Н. Ламанова. Скорее всего, Б.А. Вилькицкому предлагали стать начальником штаба Морских Сил. — *Прим. пер.*

предупредить своего бывшего командира и предложил ему немедленно вместе с ним отправиться в Комитет, чтобы получить пропуск на выезд из Кронштадта, и настойчиво советовал сделать это завтра утром пораньше.

Я убеждала мужа последовать полученному совету и едва сдерживала беспокойство: в городе запрещалось появляться на улицах после девяти вечера, встреча с патрулем грозила мужу заключением в тюрьму, откуда он уже никогда бы не вышел. Но все закончилось успешно. Когда он вернулся, между нами разгорелся спор. Муж боялся оставлять нас и требовал, чтобы я обратилась завтра к гражданским властям за пропуском, и мы выехали бы все вместе. Поддержанная господином К., я убедила мужа, что он не подвергнет нас большому риску в случае своего отъезда: кампания против него скоро пойдет на спад. Если же он останется, то его жизнь окажется в постоянной опасности, а семья, несомненно, разделит его участь. Наконец, он очень неохотно согласился с нами. Муж также сказал, что матрос, помимо всего прочего, предупредил о необходимости соблюдения мер особой предосторожности ночью, так как готовятся новые облавы и расправы. Мы прошли в кабинет, где он с большой поспешностью принялся разбирать книги и бумаги, откладывая те, что мне нужно будет взять с собой, когда удастся раздобыть пропуск. Господин К. и я помогали ему по мере наших сил. Мы так увлеклись работой, что забыли о своих наблюдательных постах. Вдруг погасло электричество, и мы оказались в полной темноте. Это можно было расценить как сигнал о грозящей опасности. Обычно так начинались ночные расправы. Нужно ли говорить, как забились наши сердца в ожидании хода дальнейших событий...

Я пошла за свечами, зажгла их и посоветовала продолжить нашу работу. Поскольку муж считал необходимым вести наблюдение за происходящим перед нашим домом, я взяла эту обязанность на себя и устроилась у окна, тщательно задернув тяжелые портьеры.

В час ночи свет снова зажегся. На следующий день я узнала, что мы были совершенно правы в своих предположениях о возможной причине ночного происшествия. Но черные планы радикалов были сорваны Комитетом движения, пока еще достаточно сильным, чтобы им противостоять.

На следующий день в первом часу ночи мой муж и прапорщик К. уехали в Петербург. Наше прощание было кратким, мы оба скрывали свое беспокойство. Вечером того же дня господин К. вернулся в Кронштадт и привез мне письмо от мужа, в котором он извещал о своем счастливом прибытии и торопил меня с получением бумаг, необходимых для отъезда из этой проклятой крепости.

Это оказалось не так просто, как можно было надеяться... Прошел почти месяц, пока я смогла соединиться с мужем, и этот месяц запомнился мне надолго.

IV

В день отъезда моего мужа, утром в одиннадцать часов, ко мне явился старший лейтенант Г. Я сказала ему, что муж вышел. Но офицер выразил настойчивое желание дождаться его возвращения. Пришлось проводить гостя в кабинет, ломая голову над тем, как мне выкрутиться из неловкой ситуации и не выдать исчезновения мужа. Я уже хотела выйти, оставив посетителя в кабинете, как он признался, что причина его визита связана скорее с женой капитана 1-го ранга В., чем с ним самим. Мы сели напротив друг друга, и он попросил разрешения закурить. Получив согласие, затянулся папиросой и сообщил, что его дела плохи, очень плохи.

— Рассудите сами, — произнес он, — вокруг царит анархия. Еще вчера я мог управлять толпой этих безумцев, но сегодня им нужен предводитель еще более радикальный, они уже объявляют меня контрреволюционером, и я готовлюсь к низвержению. Теперь у меня и мысли нет о том, чтобы принять должность командующего, следовательно, кандидатура Вашего мужа также отпадает.

Я смотрела на него с недоверием. Никогда еще лицо собеседника не казалось мне таким неприятным. Он не смотрел на человека, с которым беседовал, беспокойно жестикулировал, а взгляд у него был бегающим. Пытаясь понять, к чему же он клонит, я ответила, что мой муж все это знал очень хорошо и совершенно не стремился к высоким должностям, которые ему предлагали, но он принял бы их против своей воли, если бы ему оказали доверие большинство матросов.

Гость снова заговорил и заявил, что вопрос о выборах ввел моего мужа в заблуждение и спровоцировал против него яростную кампанию со стороны анархистских элементов. В заключение он ясно дал понять, насколько серьезна сложившаяся ситуация, и выразил мнение, что лучше всего моему мужу бежать отсюда пока не поздно.

Я ответила, что о бегстве не может быть и речи, муж уехал в Петербург с разрешения Комитета движения и Временное правительство его, возможно, задержит.

— Вы меня опасаетесь, мадам, — сказал он, — впрочем, очень хорошо Вас понимаю. Тем лучше, если это уже произошло. Но что делать с Вами?

— Так что же?

— Вы остались одна? И Вы не боитесь, что Вас арестуют как заложницу?

— Не думаю, что вопрос может быть поставлен таким образом, хотя Вы, возможно, более осведомлены, чем я.

— Вы кажетесь очень храброй, тем не менее этот вопрос много раз поднимался на митингах. И не далее как вчера прозвучало предложение арестовать жен и родственников сбежавших офицеров.

— Прошу заметить, мой муж не бежал, а уехал с разрешения Комитета.

Гость рассмеялся. Терпение у меня подходило к концу, и я заметила, что если ему есть что сказать, пусть говорит, в противном случае я должна идти к детям. Он быстро поднялся, сделал мне насмешливый комплимент, отметил мое присутствие духа, и ушел.

Я снова порадовалась тому, что мой муж уехал.

Теперь мне нужно было достать пропуск для себя и моих близких. Но никто не знал, где их выдают.

Чтобы получить представление о моем существовании в последние недели пребывания в Кронштадте, нужно вернуться немного в прошлое. У нас было три человека прислуги. Во-первых, няня, маленькая морщинистая старушка, нанятая каких-то два месяца тому назад, немного не в себе, и совершенно меня не устраивающая в этом качестве. К тому же она была глуповатой. Затем кухарка, искусная повариха с замечательной репутацией, кристально честная, единственным недостатком которой была чрезмерная набожность. Она была родом из Литвы, католичка, и проводила все свободное время в церкви.

Что касается горничной, то это была молоденькая девушка девятнадцати лет, работавшая у меня уже два года. Ее рекомендовала мне семья одного купца, где ее мать прослужила более сорока лет и где эта девочка выросла. Все эти два года я не могла ею нахвалиться. Сообразительная, но в то же время скромная, она, казалось, была очень привязана к нам. Моя дочь ее очень любила, и я собиралась сделать ее няней. Мы относились к ней скорее как к члену семьи, а не как к прислуге.

С первых дней революции она сильно изменилась. Не хотела больше ничего делать, с утра исчезала из дома и иногда даже не возвращалась ночевать. Приходила домой только затем, чтобы с гордостью рассказать, что она участвовала в митинге кухарок и домработниц, на котором было принято решение выдвинуть перед хозяевами совершенно необыкновенные условия. Например, иметь три выходных в неделю — субботу, воскресенье и еще один день по своему усмотрению. В эти три дня хозяева должны были готовить еду своим кухаркам, домработницам и их друзьям, приходящим в гости на обед. Один раз в неделю квартира должна быть полностью предоставлена в распоряжение прислуги для проведения праздников и собраний. Самым удивительным требованием стало предоставление прислуге права пользоваться музыкальными инструментами хозяев два часа в день. Когда наша кухарка возразила, что ни один хозяин не согласится держать прислугу на таких условиях, наша горничная ответила, что таких хозяев обяжут!

Но это лишь деталь. Самое ужасное было то, что она совершенно оригинально поняла «свободу», как свободу любви и распущенность чувств. Ее посещало множество матросов, но до отъезда мужа она себя хоть как-то сдерживала и принимала любовников вне дома. После этого началась невообразимая оргия. Я никогда не могла бы подумать, что молодая девятнадцатилетняя

*Демонстрация женщин
на улицах Петрограда. 1917 г.*

девушка из хорошей семьи может настолько измениться за несколько недель и предаться такому распутству. Она утратила всякий стыд и выставляла свой блуд напоказ. Матросы приходили к ней толпами и постоянно крутились возле ее постели. Больно было на это смотреть. Я пыталась ее образумить и указать на опасность выбранного ею пути, но она повернулась ко мне спиной.

Такое поведение притягивало к нам множество матросов.

Некоторые приходили лишь затем, чтобы удовлетворить свою похоть, и сразу же уходили. Другие проводили у нас целые дни, поглощая немногие продукты, которые удавалось мне достать. Сидели, развалившись в креслах, задирали меня и копались в наших платяных шкафах в поисках подарков для объекта своих вожделений.

Кухарка, делившая комнату с этой несчастной, была, конечно, возмущена. Она прибежала ко мне с просьбами, чтобы я прогнала этих матросов, жаловалась, что это мерзко и она не может перенести подобных отвратительных сцен. Я старалась ее успокоить, объясняя опасность нашего положения, и умоляла скрывать свое недовольство. Чтобы облегчить ее жизнь, я перевела ее в гостиную, где она спала на диване.

По утрам я выходила в город в надежде получить пропуск. Но неизменно возвращалась с пустыми руками: никто не мог нам помочь в этом вопросе...

По ночам нас преследовали крысы. Я вела с ними беспощадную войну, но их было так много, и они были такими нахальными, что я лишилась малейшей надежды на победу в этой борьбе... Часто казалось, что я схожу с ума.

Эти страшные ночи проходили без сна в постоянном ожидании ночных набегов крыс и в постоянном опасении, что они заберутся в кровати детей и съедят их. Идея, быть может, нелепая, стала навязчивой, и я боялась отойти от детской комнаты.

Пока я так мучилась, из комнаты моей горничной доносились смех и шум происходящих там оргий. Оставалось ждать, когда ее посетители пожелают перебраться в гостиную... Но пока до этого не дошло. Они приходили днем и проводили ночь в ее комнате и на кухне.

Дочь моя исхудала, на нее нельзя было смотреть без боли. Продуктов отчаянно не хватало, нам едва удавалось достать немного хлеба. Но мой сын

чувствовал себя прекрасно, поскольку у меня еще было молоко. Я пыталась кормить им и мою доченьку, но она от него отказалась, и приходилось хитрить, рассказывая, что это молоко той козочки, что она недавно видела неподалеку.

Через несколько дней после отъезда мужа матросы его эсминца, не опасаясь больше обвинений в заговоре, пришли меня навестить и тайком принесли бутылку молока и кусок хлеба. Они еще несколько раз оставались у меня, положив на время конец бесчинствам приятелей нашей горничной. Я была рада их видеть у себя и нашла в них настоящих преданных друзей. Они не противились искушению наведаться к горничной, но, по крайней мере, держались пристойно по отношению ко мне...

Ясно помню день накануне нашего отъезда из Кронштадта, день, когда мои попытки получить пропуск, увенчались успехом. В девять часов утра я явилась в горсовет, где безрезультатно простояла в очереди несколько часов. Около полудня мне пришлось вернуться домой, покормить сына. Вернувшись, я узнала, что мне нужно было обращаться не в горсовет, а в милицию, бывшую полицию. Здесь произошла сцена, о которой хочется рассказать отдельно.

В милиции я увидела в окружении громко смеющихся матросов и солдат женщину, обливавшуюся горячими слезами. По ее словам она была крестьянкой из Саратовской губернии, три года не видела мужа, служившего жандармом в Кронштадте, и приехала с ребенком его навестить за две недели до революции. Мужа убили 1 марта и забрали все сбережения, хранившиеся дома. Добрые люди поначалу ее приютили, а потом прогнали. Она хотела вернуться в деревню, но у нее не было ни гроша, ребенок умер от голода, и она умоляла этих «господ» дать ей денег, чтобы добраться домой, или предоставить работу в Кронштадте, где она смогла бы заработать необходимую сумму... Эти окружившие несчастную женщину мужчины только смеялись и дразнили ее, когда она на коленях униженно просила о помощи. Один из солдат со смехом орал ей в лицо, что нечего было выходить за жандарма, вот теперь она и наказана за это. Женщина отвечала, что, когда она за него выходила, он не был жандармом, а был простым бравым парнем. В ответ «господа» только ухмылялись и насмехались над ней. Меня возмутило ее бессмысленное унижение. Неужели не было ясно, что эти люди ничего для нее не сделают? Я подошла к ней и тихо пригласила следовать за мной. Мы ушли вместе. Она продолжала по-крестьянски причитать и рыдать, непрерывно обращаясь к Господу и Богородице. Я привела ее к себе и, закрыв дверь, сказала ей, что ни в горсовете, ни в Комитете движения ей, конечно, не помогут, и она совершенно напрасно так унижалась. Я посоветовала ей держать язык за зубами, и никому больше не говорить, что она вдова жандарма. Оставалось сожалеть, что невозможно было оказать ей более действенную помощь. Я дала ей несколько адресов состоятельных семей, не принадлежащих к военному

ссловию, хотя я знала только их фамилии, и отправила женщину к ним рассказать о своем горе. Больше о ней я ничего не слышала.

Покормив сына, я продолжила поиски и отправилась в милицию. Через полчаса меня оттуда отправили в Комитет движения. У дверей бывшего Морского собрания, в котором располагался Комитет, стояли часовые — два матроса со свирепыми лицами, преградившие мне путь. Теряя терпение, я заявила им, что должна попасть на прием к председателю Комитета во что бы то ни стало, но они ответили, что без пропуска это невозможно.

— А где выдают пропуск?

— В милиции.

Я вернулась в милицию, но совершенно напрасно, так как оттуда меня отправили в Комитет, заявив, что для обращения к его руководителям никакого пропуска не нужно. Вернувшись к матросам-часовым, я сообщила им о результате своего похода в милицию.

— Бесполезно, без пропуска не пустим, — обронил один из них в ответ на мои объяснения. Отчаявшись, я стала умолять его сказать, где можно раздобыть пропуск.

— Возможно, пропуска выдают в самом Комитете, — глазом не моргнув произнес часовой.

— Но как мне туда попасть, если без пропуска вход запрещен?

— Не знаю.

Впав в уныние, я заявила, что никуда не уйду, не переговорив с председателем Комитета, и буду ждать его на улице, ведь все равно он выйдет на улицу.

То ли матросы меня пожалели, то ли им надоела моя настойчивость, но один из них ненадолго исчез за дверью, а вернувшись, сказал мне, что можно войти.

Я поднялась по лестнице, по которой за две недели до революции шла в бальном платье под руку с мужем в окружении самой блестящей публики Кронштадта. Меня принял матрос с веселым и добродушным лицом. Казалось, он очень гордился своей ролью¹⁹. Я смиренно рассказала ему о своем положении и желании уехать к мужу в Петербург, а также о проблемах с получением пропуска.

Когда я закончила, он сказал, что, к сожалению, ничем не может мне помочь, и я должна обратиться в горсовет²⁰, поскольку Комитет занимается только военными вопросами. Я ответила, что с меня уже довольно отсылок: я уже была и в горсовете, и в милиции, была везде, но никто ничего не знает.

Председатель возмутился беспорядком, царящим в гражданской администрации, но настойчиво порекомендовал обратиться в горсовет.

¹⁹ 1 марта 1917 г. председателем Кронштадтского Временного комитета общественного движения был избран студент, эсер А. Ханох. — *Прим. пер.*

²⁰ Скорее всего, Совет рабочих депутатов. — *Прим. пер.*

У меня родилась идея, как привлечь его на свою сторону. Я сказала ему, что сожалею о его неспособности решить мой вопрос, поскольку для меня было большим удовольствием иметь дело с человеком, проявившим такой большой административный талант. И в заключение добавила, что одно только его слово облегчит мне решение задачи в горсовете. Записки он мне не дал, но при мне позвонил в горсовет и весьма строго выговорил служащим, напомнив им, что именно они должны выдавать пропуска гражданским лицам. Он галантно проводил меня, выражая надежду на мой успех в горсовете.

Я побежала сначала домой к своему мальчику и, успокоив его, ушла в горсовет. Сначала я услышала, что служащий, отвечающий за пропуска, уехал в Петербург. Но не так-то просто отделаться от женщины на грани нервного срыва, и я потребовала встречи с председателем горсовета.

Он принял меня в своем кабинете и сначала отказался чем-либо помочь. Это снова был матрос, сменивший гражданского человека, занимавшегося до этого вопросами городского управления. Я пустила в ход тот же прием, что и в Комитете движения: принялась безудержно льстить ему, рассказывая, насколько отличается его манера общения с посетителями от поведения его сотрудников, и как я счастлива, что наконец-то попала к нему на прием, и умоляю покончить с моим вопросом прямо сейчас, поскольку не хочу тревожить его лишний раз, зная, насколько он загружен работой. Видно было, что председатель колеблется. Продолжая ковать железо, пока горячо, я выложила свой последний довод:

— Ну что Вам это стоит! Для Вас так просто исполнить мою просьбу. Берете лист бумаги, пишете пропуск на имя того-то и того-то, ставите печать и понимаете, что сделали обратившуюся к Вам женщину счастливейшей из смертных!

Вопрос решился, и я сама выписала пропуск себе, детям и трем домашним. Он прилежно расписался и поставил печать. Схватив эти бесценные бумаги, я хотела уже удалиться, но восхищенная своим успехом стала просить его выдать еще и разрешение на вывоз десяти мест багажа. Председатель опять стал отказываться и пытался отправить меня в милицию, но мне удалось его разжалобить рассказом о том, как сильно я устала, и что дома у меня заходится в слезах мальчик. Он подписал и эту бумагу, но предупредил, что позвонит в милицию, чтобы завтра отправили человека проверить содержимое моего багажа. Расточая самые восторженные слова благодарности, я вышла из его кабинета, прижимая к сердцу драгоценные документы. В комнате, где я оказалась, собралась толпа женщин. Это были жены солдат, работницы, требовавшие, чтобы им выдали двойную оплату за их труд, как было решено на митинге. Растерянный служащий отвечал им, что касса пуста и за деньгами в Петербург отправлен человек. Но они не хотели ничего слышать и грозились разграбить горсовет. У меня, видимо, было слишком радостное

выражение на лице, поскольку одна из них обратила на меня внимание и стала поносить последними словами, в смысле, что для этих проклятых буржуев делается все, а для пролетариев ничего. Пришлось проглотить эти оскорбления и быстренько убраться подобру-поздорову.

Вернувшись домой, где надрывался криком мой бедный голодный малыш, я быстро успокоила его и принялась лихорадочно собирать вещи. Десять ящиков — совсем немного, и то, что я возьму, будет отныне всем нашим достоянием. Нужно было взять самое необходимое, кроме того я обещала мужу привести отобранные им книги и его гражданскую одежду. Мне требовалось полное присутствие духа, чтобы ничего не упустить.

Бывший вестовой мужа пришел меня навестить и взялся обеспечить нас повозкой и лошадьми, чтобы завтра рано утром доставить наши пожитки в Ораниенбаум.

Все было готово, когда наутро прибыла повозка, в которую мы погрузили весь скарб. Кстати, никто не пришел досматривать наши вещи. Я уселась на самом верху рядом с вестовым, и мы тронулись в путь.

У Петербургских ворот, где начиналась ледовая дорога, нас остановили часовые, чтобы выкинуть наши бедные пожитки на снег, а повозку «мобилизовать», как они говорили, «для перевозки амуниции». Я показала свои бумаги, но они и слышать ничего не хотели. Меня начало охватывать отчаяние, но мой дорогой спутник матрос шепнул на ухо, что им просто нужно дать «на лапу». У меня никогда не возникло бы подобной мысли... тем не менее я предоставила ему полную свободу действий. Когда он вернулся назад после непродолжительной беседы с этими представителями «цвета и гордости революции», я уже думала, что все кончено. Но сделка состоялась... всего за один рубль! Я чувствовала себя на седьмом небе и сердечно поблагодарила своего спасителя, продолжившего путь к Ораниенбауму с нашими пожитками, а сама вернулась в крепость.

Нужно было как-то уладить вопрос с вещами, оставленными в Кронштадте. Я уже мысленно поставила крест на нашем имуществе, но мне было больно думать о том, что могут пропасть прекрасные медвежьи шкуры и другие меха, привезенные мужем с Севера, о которых я так заботилась и которые наверняка будут съедены молью до того, как они будут украдены.

Я отправилась в ломбард, чтобы узнать, можно ли их оставить там. Высокомерный служащий, наверняка хорошо знавший, кто я такая, ответил, что они ничего не могут принять без заключения «какого-нибудь делегата» (непонятно, что он имел в виду), подтверждающего, что эти предметы не были украдены. К моему огорчению, я не знала ни одного делегата! Вдруг мне пришла в голову блестящая мысль! Я предложила привести нашего дворника, чтобы он удостоверил, что я не совершила никакой кражи и эти вещи взяты мною во время переезда в Кронштадт. Удостоверившись в том, что такого свидетельства будет достаточно, я быстро отправилась за дворником, охотно

согласившимся оказать мне такую услугу. Мы погрузили на две повозки дорогие, так любившиеся мне медвежьи шкуры, с которыми предстояло навсегда расстаться, вместе с ящиком фамильного серебра. Все это мы отвезли в ломбард, где мне выдали расписку, которая отныне будет служить напоминанием о былом благосостоянии!

Вернувшись домой, я спрятала в одежде драгоценности и оставшееся серебро. В полдень юный прапорщик пришел разделить с нами наш скромный обед, а затем оправился искать извозчика. Я не могла оторвать глаз от дорогих моему сердцу вещей, с которыми было связано так много воспоминаний, особенно от обожаемого фортепиано, на котором играла с самого нежного детства и аккомпанировала отцу²¹ в большом зале родного дома на Волге²²... Мне приходилось оставлять все эти вещи и фотографии, казавшиеся живыми, и настенные часы с мелодичным звоном. При этом меня переполняла радость. Я была в восторге, когда приехала в Кронштадт два месяца тому назад, но теперь, покидая его, я испытывала восторг в тысячу раз сильнее!

Прапорщик привел трех извозчиков, и мы уехали. Сияло весеннее солнце. Я села рядом с господином К. и усадила на колени дочь. Няня с малышом и кухарка забрались в другие сани, а горничная, оставшаяся в одиночестве, в третьи. Но недолго она оставалась одна, ее сани быстро наполнились матросами, собравшимися проводить ее до залива и обещавшими навещать в Петербурге.

Лед наполовину растаял и почернел, так что полозья наших саней погружались в воду. Можно было видеть ледоколы, курсировавшие между Кронштадтом и Ораниенбаумом. Мы чувствовали, как промочили ноги в холодной воде, но никогда мое сердце не билось столь радостно, как сейчас, когда я смотрела на удаляющиеся купола церквей и форты этого проклятого острова.

Надя Тихменева в окружении братьев.

Тихменеве, начало 1900-х годов

²¹ Генерал-лейтенант Валерьян Петрович Тихменев (1840–1906), участник Хивинского похода 1873 г. и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — *Прим. пер.*

²² В поместье Тихменеве под Рыбинском. — *Прим. пер.*

V

И вот я в Петербурге. Куда идти? С вокзала я позвонила матери²³ и спросила, сможет ли она нас приютить. Но она ответила, что у нее остановились жена и дочь моего старшего брата, тоже ставшие беженцами, и, поскольку ее квартира была не велика, я остановилась у золовки, старшей сестры мужа²⁴, которая занимала обширное помещение на Екатерининском канале²⁵. Муж остановился у своей матери, жившей на одной лестничной площадке с дочерью. Нас разместили, и первое, что я сделала с большим удовлетворением — прогнала свою горничную. Какое облегчение! Больше можно было не бояться избавиться от этой несчастной и мерзкой девчонки.

Золовка, муж которой²⁶ был на фронте, недавно уехала за город с тремя детьми²⁷ и прислужой. Няня взяла отпуск, и я осталась одна со своей старой кухаркой. Жизнь в Петербурге была тяжелой, хотя ее невозможно было сравнить с ужасами Кронштадта. Самым болезненным оставался вопрос пропитания. Очереди в магазины были невероятно длинными, и часто приходилось возвращаться оттуда с пустыми руками. Почти не было молока. Мне приходилось ежедневно пересекать огромный город, чтобы раздобыть хоть немного съестного, и я тратила на это многие часы. Трамваями практически невозможно было пользоваться: они были переполнены героями дня — солдатами и матросами. Я единственный раз предприняла такую попытку — и получила удар в лицо в драке, возникшей из-за того, что какой-то солдат решил, вопреки правилам, выйти через заднюю дверь. В результате мне выбили зуб.

Улицы становились все грязнее, никто их не убирал. Герои революции становились все более ленивыми и высокомерными. Газеты приносили тревожные новости с фронта. Сначала армия, настоящая, стоявшая на защите страны, восприняла новость о революции сдержанно. Старый режим изжил себя, все это понимали и спрашивали, что же принесет революция? После объявления знаменитого «Приказа № 1»²⁸ армия сразу ослабла. Полная деморализация еще не наступила, но уже давала о себе знать. Хотя некоторые

---

²³ Варвара Николаевна Тихменева (Шидловская) (1865–1921). — *Прим. пер.*

²⁴ Вера Андреевна Баскова (Вилькицкая) (1884–1964). — *Прим. пер.*

²⁵ Ныне дом 96 на канале Грибоедова. — *Прим. пер.*

²⁶ Михаил Владимирович Басков (1876–1920). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1895) и Академию Генерального штаба (1904). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор (1917). — *Прим. пер.*

²⁷ Борис (1905–1979), Надежда (1906–1990) и Вера (1909–1985) Басковы. — *Прим. пер.*

²⁸ Приказ, изданный объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов 1 (14) марта 1917 г., во время Февральской революции, наделял солдат гражданскими правами, ставил их в равное положение с офицерами вне службы и строя, воспрещал грубое обращение с солдатами, отменял титулование, передавал командование выборным советам солдатских депутатов. — *Прим. пер.*

воинские части осудили приказ и отправили своих делегатов в Петербург, чтобы выразить протест и заверить Государственную думу в том, что армия ей предана и ее избранники должны решительными действиями привести страну к Учредительному собранию. Увы, через несколько дней пребывания в Петербурге, эти делегаты изменили свое отношение к приказу, утратили доверие к Думе и заявляли о своей верности Петроградскому совету рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Они спешили вернуться в свои части, чтобы рассказать товарищам о том, что они были обмануты, и не стоило больше доверять Думе и сохранять верность родине. Эти делегации, отправленные, кстати, по инициативе энергичных патриотов, надеявшихся таким образом остановить разложение центра, дали результат прямо противоположный ожидаемому, и демагогический Петросовет умело использовал их в своих целях.

Вскоре газеты сообщили о первых случаях отвратительных «братаний» на фронте с врагом, охвативших вскоре всю армию. Только офицеры оставались верны своему долгу и подвергались из-за этого всяческим надругательствам. В квартирах офицеров и людей близких к военным кругам, как и в моей, ясно понимали нависшую над нами угрозу. Понимали, насколько просто дезорганизовать армию и, напротив, как сложно остановить ее начавшийся распад. Я не переставала анализировать политические события, происходившие в первые месяцы великой революции, и мне были близки и понятны моральные страдания и разочарование тех, кто отдал служению родине все свои силы, помыслы и душевные порывы, наконец, саму жизнь, и теперь стал свидетелем ее разрушения... Что касается меня, то мне было видеть мрачные лица мужа и его друзей, честно служивших своей стране, которые теперь оказались в положении загнанных зверей и постоянно чувствовали себя оскорбленными и ненужными, подвергаясь непрерывным гонениям в газетах, на улице, в советах, словом, повсюду. Они больше не могли показаться на улице без риска подвергнуться

В.П. Вилькицкая

В.Н. Тихменева

*Командир 22-го пехотного
Нижегородского полка
полковник М.В. Басков.*

*Белоруссия, д. Шимки,
февраль 1917 г.*

На фронт пришло известие о революции. Белоруссия, землянка
М.В. Баскова в р-не озера Мядель, 4 марта 1917 г.

Это семейство можно было отнести к либеральной части общества, мало связанной с армией. Сам доктор был поляком. Его жена, одна из самых очаровательных женщин, каких я когда-либо знала, была русской, крестной нашего сына и моей лучшей подругой. Мы вместе переживали принесенные войной страдания и тревоги. Вместе оплакивали моего брата и наших погибших друзей. У нее не было родных на фронте, но она принимала мою боль как свою собственную. Когда разразилась революция, в этой семье, как и во многих других, не связанных с армией, события виделись в розовом цвете и мало кто представлял опасность, грозящую России.

Вторая семья, о которой я хотела бы рассказать, принадлежала к тому же кругу что и мы. В первую очередь хочется упомянуть мать этого семейства, удивительную женщину, довольно известную в России писательницу, составившую когда-то протезе Тургенева. Она находилась в преклонном возрасте, но сердце у нее оставалось молодым и пылало горячей любовью к родине. Смысл ее жизни были два сына. Война разлучила их, но нужно было видеть, как она гордилась ими, с каким мужеством переносила разлуку. Для меня эта женщина всегда была больше, чем мать школьных товарищей моих братьев. Ее сыновья были мне, быть может, даже ближе чем родные братья²⁹, за исключением погибшего в начале войны. Первые дни революции застали младшего из них в Петербурге, в то время как старший находился во Франции, на флоте наших союзников. Младший брат был одаренным молодым человеком, интеллигентным и красивым, главным недостатком которого являлась безмерная скромность. В августе 1914-го он был тяжело ранен в Восточной Пруссии. Пуля попала ему

насилию или оказаться с сорванными погонами... В революционной России больше не было места ее самым верным, самым преданным детям. Читая в газетах демагогические статьи, я чувствовала, как ярость берет за горло...

Среди многочисленных друзей в Петербурге были две особенно дорогие мне семьи. Одной из них была семья врача моих детей, к которому я испытывала глубокую благодарность за спасение моей маленькой дочки. Именно это положило начало нашему более тесному знакомству.

²⁹ Петр (1886–1920); Сергей (1888–1920), выпускник Пажеского корпуса, полковник лейб-гвардии Кексгольмского полка, участник Первой мировой и Гражданской войн (участник Бредовского похода); Борис (1895–?), участник Первой мировой и Гражданской войн (сражался в составе батальона 34-го пехотного Севского полка Западной армии), штабс-капитан, эмигрировал во Францию. — *Прим. пер.*

в ногу, чуть выше колени, раздробила коленный сустав и застряла в мышечной ткани возле лодыжки. Потребовалось семь месяцев, чтобы поставить его на ноги, но он остался хромым. Едва поправившись, он отказался от привилегий инвалида войны и офицера Генерального штаба (перед войной он успел окончить курс Академии Генерального штаба) и возможности получить хорошую спокойную должность в тылу и пожелал вернуться в родной полк. Его жизнь, вплоть до 1917-го, стала чередой примеров храбрости и героизма. Какие тревожные вечера проводили мы с его матерью в ожидании новостей, скрывая друг от друга беспокойство и разыскивая на карте места, где он должен был находиться — то в Персии, то на Западном фронте! Сколько раз мы радостно встречали его, когда он ненадолго возвращался с фронта, то раненым, то больным. Сколько раз провожали его с щемящим сердцем обратно! В 1917-м нам довелось встретиться дважды. Последний раз после прибытия на фронт он в скором времени был вынужден оставить свой полк из-за всеобщего развала и повального дезертирства. Вернувшись в Петербург, он ждал, что Временное правительство даст ему новое назначение, и было больно смотреть на это молодое, но такое мрачное, уставшее от войны лицо, встречаться с его глазами, полными боли и непонимания причин нанесенных ему оскорблений. Он молчал, и тяжелая тишина воцарилась во всем доме. Несмотря на наши близкие отношения, я только дважды смогла навестить их дом за время нашего пребывания в Петербурге: они жили на другом конце города, транспорт встал, и я была слишком занята дома, чтобы чаще отлучаться. Во время последней встречи мы с ними распрощались: они уезжали в Малороссию, где сын оставил мать в Харькове, а сам уехал на фронт, чтобы принять участие в последнем июньском наступлении³⁰, унесшем понапрасну столько молодых жизней, за которым последовала полная дезорганизация армии и приход большевиков. Позже он участвовал в августовских и сентябрьских событиях, а когда Корнилов³¹ потерпел неудачу, присоединился к Быховскому побегу³² и в числе первых вступил в Добровольческую армию³³, став одним из ее героев, непростительно забытым впоследствии.

---

³⁰ Июньское наступление или «наступление Керенского», начавшееся 18 июня (1 июля) 1917 г., последнее наступление русских войск во время Первой мировой войны. Блестяще подготовленная операция провалилась из-за катастрофического падения дисциплины в русской армии. — *Прим. пер.*

³¹ Л.Г. Корнилов (1870–1918) русский военачальник, генерал от инфантерии. Военный разведчик, дипломат и путешественник-исследователь. Герой русско-японской и Первой мировой войн. Верховный главнокомандующий Русской армии. Участник Гражданской войны, один из организаторов и главнокомандующих Добровольческой армии, руководителей Белого движения на Юге России.

³² События, связанные с арестом и содержанием под стражей властями Временного правительства участников «Корниловского мятежа», содержавшихся в сентябре — ноябре 1917 г. в тюрьме города Быхова Могилёвской губернии. — *Прим. пер.*

³³ Речь идет о так называемом «Корниловском мятеже», который расценивался как неудачная попытка установления военной диктатуры, предпринятая Верховным главнокомандующим русской армией генералом от инфантерии Л.Г. Корниловым в августе (сентябре) 1917 г. с целью восстановления в России «твердой власти» и предотвращения с помощью военной силы прихода к власти левых радикалов (большевиков). — *Прим. пер.*

Вскоре мой муж получил назначение в Ревель, и я осталась совсем одна, после чего уехала в Финляндию, в загородный дом, к свекрови³⁴ и младшей золовке³⁵. Этот красивый загородный дом был расположен на берегу прекрасного озера в Карелии в Кавантсаари³⁶. Место очень живописное, но у меня не было ни малейшего настроения любоваться красотами. Тем не менее в первые дни все шло хорошо. Я занималась своими детьми, золовка своими. У нас было два человека прислуги — моя старая кухарка и няня-финка. Но кухарка вскоре почувствовала себя плохо. Она не могла жить без католической церкви, а во всей округе таковой не нашлось. Поэтому она уехала, и через несколько дней мы были вынуждены прогнать и финку, ставшую невыносимой, надменной и ленивой. Так начались наши несчастья.

Мы еще не привыкли к тяжелой работе, а загородный дом, в котором мы жили, был лишен какого-либо комфорта. Дрова, купленные золовкой при найме дома, мы вскоре сожгли, а дополнительный запас не могли добыть, хотя Финляндия и богата лесом. Поскольку на рынке не было ни керосина, ни спирта, готовить пищу стало не на чем. Пока золовка занималась обедом, я брала четверых детей, старшему из которых исполнилось пять лет, и мы отправлялись в лес собирать сухой хворост. Много в руках не принесешь, и мне приходилось ходить в лес по несколько раз на дню. У моего сына имелась неприятная привычка просыпаться в четыре часа утра. Покормив его, я принималась за уборку, мыла полы и прибирала в комнатах. Кроме того, у сына наступил тот самый очаровательный возраст, когда ребенок начинает делать первые шаги, но это отнимает у его матери очень много сил. В восемь весь наш клан завтракал и отправлялся за топливом. Возвращались только к обеду, после чего нужно было заниматься кухней, носить воду из колодца, расположенного довольно далеко от дома. На все это уходило около часа, после чего мы, наконец, приступали к обеду. В семь вечера купали детей и укладывали их спать, а сами брались за стирку и другие хозяйственные дела, если хватало света. Его единственным источником у нас были белые ночи и луна. Только тут я поняла, какая роскошь иметь возможность почитать газету или книгу. Мы начинали тупеть от такой жизни. Свекровь настаивала, чтобы я прекратила кормление сына грудью, но, тревожась о нашем будущем и полагая, что возможно придется снова отправиться в путь, я не торопилась это сделать, рассчитывая, что в таком случае у детей будет хоть такой источник пищи.

Как бы то ни было, дети продолжали нас радовать. У хозяина снятого нами дома было восемнадцать внуков, и все они были больны коклюшем. Мы жутко боялись, что наши дети тоже заразятся. От коклюша они убереглись, но обе девочки — золовки и моя — в конце июля (по старому стилю)

³⁴ Вера Пантелеймоновна Вилькицкая (Захарова) (?-?). — *Прим. пер.*

³⁵ Лидия Андреевна Шорина (Вилькицкая) (1887-?). — *Прим. пер.*

³⁶ Ныне поселок Возрождение в Каменногорском городском поселении Выборгского района Ленинградской области. — *Прим. пер.*

заболели дизентерией. Золовка в это время отлучилась в Петербург, и нам приходилось справляться с болезнью самостоятельно. Это было ужасно. Доктора пришлось вызывать из Выборга, но легче было выпить море, чем добыть лекарства. Моя дочь, впрочем, быстро поправилась, но течение болезни у племянницы осложнилось в связи с воспалением почек, и золовке пришлось перебраться в Выборг, где она обычно жила зимой, чтобы иметь возможность хорошего ухода за дочерью. Таким образом, я осталась за городом совсем одна в обстановке, близкой к критической. Вдвоем мы еще справлялись с работой. Но оставшись в одиночестве, я уже не знала, как справиться со всеми делами: было очень трудно достать продукты, а еще нужно было самой ходить за водой и дровами, кормить детей и содержать дом. Напрасно я искала прислугу, которая могла бы мне помочь хотя бы в течение нескольких дней до нашего отъезда, готовая заплатить любые деньги. Тем не менее мне это удалось, хотя все это время я не могла отлучиться ни на минуту. Поезд останавливался в Кавантсаари лишь на минуту, и на вокзале не было ни одного носильщика или человека, способного мне помочь. Я не имела ни малейшего представления, как можно за это время, не зная финского языка, зарегистрировать багаж и занять места в поезде с детьми на руках. Я написала письмо матери с просьбой прислать мне на эти несколько дней ее домработницу, преданного ей человека, выросшего в нашем доме. В конце концов, женщина приехала, и я смогла покинуть Финляндию, счастливая от того, что мой «отдых» завершился!

Я остановилась у матери, собираясь вскоре уехать к мужу в Ревель, где он снял дом. В Петербург мы вернулись в конце августа. Когда я покидала город в июне, он уже выглядел не лучшим образом, но я никак не ожидала увидеть такую режущую глаз картину. Невозможно представить беспорядок и грязь, царившие теперь в нем. Что касается повседневной жизни, то она проходила в бесконечных очередях, стоя в которых люди обсуждали насущные вопросы, спорили, ссорились и часто даже дрались. Продукты стоило невероятно дорого, но их нужно было еще достать! Голод стал нашим постоянным спутником. Это была животная жизнь, без отдыха, в вечном поиске, что бы положить на зуб.

Я надеялась, что задержусь здесь ненадолго и скоро уеду в Ревель, но пришла новость о взятии Риги немцами, а вслед

Очередь у продовольственного магазина в Петрограде. 1917 г.

Посадка в пассажирский поезд. 1917 г.

ющих покинуть столицу. В ней люди проводили дни, ночи и недели. Отчаявшись, я вернулась домой, понимая, что не могу позволить себе оставить сына на два-три дня, и уже была готова нанять за любые деньги двух комиссионеров (двух, потому что во избежание спекуляций продавался один билет в одни руки, а нас с моей новой няней было двое). Но в это время случайно узнала, что имеется бюро, где продаются билеты кому угодно с наценкой всего 10 %. Я записалась на 3 сентября. В ожидании торопливо упаковывала вещи и приводила дела в порядок. Муж запретил мне брать с собой драгоценности и много денег из опасения, что по дороге нас ограбят. К счастью, я с ним не согласилась... Обстоятельства еще раз подтвердили, что послушание у супруги далеко не лучшая из добродетелей! Мужчины, демонстрируя мощную логику, редко проявляют здравый смысл в практических делах.

Муж уехал в Ревель 28 августа. Я проводила его на вокзал с сердцем, сжимающимся от самых мрачных предчувствий. Мне казалось, что я никогда больше его не увижу... Тем не менее мы встретились вновь, но уже через четыре года...

У меня навсегда останется перед глазами этот отвратительный грязный вокзал, заполненный толпами матросов и солдат, провожающих каждого офицера глухим угрожающим ропотом. Все это происходило во время сентябрьских событий, накануне предательства Керенским генерала Корнилова, и в воздухе чувствовалось напряжение, предшествующее революционным событиям конца октября — начала ноября. Забравшись в переполненный солдатами вагон, муж сел у окна, стекло которого было, естественно, разбито, и не сводил с меня глаз. Больно было смотреть на него, такого одинокого, в окружении враждебно настроенных людей, в постоянном ожидании оскорблений. Недалеко от меня стояла группа заливающихся смехом

за ней срочное сообщение от мужа о невозможности моего пребывания в такой близости от фронта. Он просил меня ждать его в Петербурге. Вскоре он приехал, и мы решили, что я с детьми уеду к брату моей матери в маленький городок вблизи Харькова.

Муж занялся поиском билетов на поезд. Я же отправилась в центральные железнодорожные кассы на Конюшенной, где увидела бесконечную очередь жела-

матросов, явно намеревающихся пристать ко мне. Я носила шляпку и провозжала офицера, этого было вполне достаточно, чтобы подвергнуться тяжелым оскорблениям. Глаза мужа были полны бессильной ярости, и во избежание скандала, который, несомненно, мог его погубить, я подошла к окну с последним прости, не дожидаясь отхода поезда. Матросы отправились за мной, но я затерялась в толпе, а затем на ходу вскочила в трамвай.

Через несколько дней я простилась с матерью, старой учительницей и несколькими друзьями, пришедшими нас проводить. Я покидала этот город, когда-то такой любимый, чтобы больше в него не вернуться. Нам повезло уезжать в то время, когда прошел слух о том, что генерал Каледин идет на Москву, и многие отложили отъезд, дожидаясь, когда обстановка прояснится и на железных дорогах станет свободней. Поэтому вагон не был заполнен людьми, как обычно.

Когда поезд тронулся, я прижалась к оконному стеклу, вглядываясь в дорогие мне лица, с которыми расставалась навсегда. Отчетливо помню стройный силуэт матери, такой красивой, такой еще молодой, и с ужасом думаю о выпавшей на ее долю голгофе, о том, какие страдания ей пришлось вынести в одиночестве в этом несчастном городе, где она умерла от голода, тоски и лишений в январе 1921-го...

Когда все исчезло во мраке, я вернулась в купе к своим лопочущим детям, которых отныне мне суждено было растить одной...

Н.В. Вилькицкая

Воспоминания о Великой русской революции

Литературный редактор – И.В. Козырь
Корректор – А.В. Куштынова
Дизайн и компьютерная верстка М.В. Козловой

Подписано в печать 29.08.18. Формат 60×90/16
Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура Cambria
Объем 2,5 п. л. Заказ № ?. Тираж 200 экз.

Издательство «Морское наследие».
197342, Санкт-Петербург, ул. Сердобольская, д. 65, лит. А.
Тел./факс. +7 (812) 643-55-27, e-mail: morskonspb@yandex.ru,
www.heritage-navalis.ru

Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»,
192007, г. Санкт-Петербург, пр. Лиговский, 201, лит. А, пом. 3Н